

Владимир Волков.

ВОЙСКО ГРОЗНОГО ЦАРЯ. ТОМ 1

Продоление 5

В 1563 году 10-тысячное татарское войско приходило к Михайлову. Командовали им «царевичи» Мухаммед-Гирей и Алды-Гирей и Дивей-мурза, чьи загоны приходили на делиловские, пронские и рязанские места. В том же году Иван IV приказал оставить и разорить Псельский город, существование которого беспокоило не только крымского хана, но и литовскую, и польскую сторону.^[127]

Это стало вынужденным действием. Война в Ливонии затягивалась, поэтому московский царь решил без особой необходимости не раздражать Девлет-Гирея. Оборона южной границы принимала пассивный характер. Существовавшие небольшие порубежные крепости не могли полностью защитить страну от вражеских нашествий. По этой причине в бассейне реки Упы было построено несколько новых городов: «город на Плове» (1560), «город на Солове» (1562), Крапивна (1562). Весной 1563 года на реке Зуше был восстановлен Новосиль.^[128] Предпринятые меры оказались своевременными – очень скоро обстановка на этом рубеже резко обострилась.

Настоящее нашествие обрушилось на Рязанскую землю осенью 1564 года. 60-тысячная крымская армия во главе с самим Девлет-Гиреем и двумя его сыновьями три дня (по другим сведениям – четыре) «приступала» к Рязани (Переяславлю Рязанскому). И хотя горожанам удалось отбиться с помощью оказавшихся в своих рязанских поместьях и севших в осаду воевод А. Д. и Ф. А. Басмановых, однако татары сильно разорили окрестные места: «многие волости и села повоевали меж Проньска и Рязани по реку по Вожу, а за город до Оки-реки до села Кузминского».^[129]

Пробыв в Рязанской земле 6 дней, крымцы отошли в степи. Позже один из татарских отрядов под командованием «ширинского князя» Мамай численностью около 4 тыс. человек от рубежа вернулся, но был разбит войсками А. Д. Басманова и пришедшего к нему на помощь из Михайлова воеводы князя Ф. И. Татеева. Большинство крымцев погибло, а 500 человек вместе со своим предводителем попали в плен.

Осенью 1565 г. войско Девлет-Гирея приходило под Болхов. Действия направленной против татар русской рати оказались неудачными из-за местнического спора, произошедшего между воеводами Передового полка П. М. Щенятевым и И. В. Шереметевым. Царю пришлось отправлять к Болхову опричное войско во главе с А. П. Телятевским, Д. И. и А. И. Хворостиниными. Узнав о приближении свежих русских сил, 9 октября 1565 года Девлет-Гирей ушел из-под Болхова. Выявленные в ходе этого набега недостатки в организации обороны южных «украин» вынудили правительство осенью 1566 года начать строительство на болховском рубеже новой крепости Орел.^[131]

Нехватка войск на южном порубежье вынуждала правительство форсировать завершение грандиозных оборонительных работ по всей пограничной линии, начатых еще в начале 20-х годов XVI века. Ежегодно там трудились тысячи посешных людей, собранных из различных уголков страны, возводивших засеки от северских городов до мещерских лесов, стараясь управиться до той поры, «когда лес листом оденется». После этого работы прекращались, чтобы возобновиться весной следующего года. Возводились новые укрепления и регулярно возобновлялись старые фортификационные сооружения по «Берегу» – второму рубежу русской обороны. Их грандиозные размеры поразили Генриха Штадена, сохранившего подробное описание существовавшей здесь укрепленной линии. По его словам, Ока была «укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землею, выкопанной за задним частоколом».^[132]

Вопреки всем затраченным усилиям, остановить татарские набеги не удавалось. Тактика пассивной обороны на хорошо укрепленных, но недостаточно прикрытых войсками рубежах позволяла татарам, используя малейшие ошибки русских воевод, прорываться в приграничные уезды, разоряя их и угоняя в плен местное население. За 25 лет Ливонской войны лишь в 1566, 1575 и 1579 годах источники не зафиксировали

сообщений о нападениях крымских татар.^[133] Таким образом, тяжелая война на два фронта – в Прибалтике и на южных границах – стала реальностью, во многом предопределившей неудачный исход начатой Иваном IV в 1558 году борьбы за Ливонию.

Первоначально крымцам не удавались глубокие рейды в глубь русской территории. Осенью 1568 года отряды Шифир-мурзы Сулешова приходили на одоевские, чернские и белевские места, однако поспешно отступили, узнав о приближении к этим уездам русских войск. В том же году на южной границе, в верховьях Дона, был восстановлен город Донков (первоначальное название в XVIII веке изменилось на Данков).^[134]

Полным провалом завершилась попытка захвата Астрахани, предпринятая турецкими и татарскими войсками в 1569 году. В случае успеха этого предприятия султан Селим II и его ближайший советник Мехмед Соколлу рассчитывали установить свой контроль над Средним и Нижним Поволжьем и пресечь опасное для Османской империи продвижение русских войск и казаков на Кавказ.^[135] Подготовка к походу началась еще в 1568 году. А весной следующего 1569 года по приказу Селима II в Кафу было переброшено 17-тысячное турецкое войско. На гребных судах османы собирались подняться Доном от Азака до Переволоки, а затем проложить канал между Доном и Волгой. После чего, переведя на Волгу корабли с артиллерией, турецким янычарам и сипахам предстояло спуститься к Астрахани и захватить ее. Новым астраханским ханом предстояло стать Крым-Гирею, сыну хана Сагиб-Гирея.^[136] Вместе с турецкими войсками должна была действовать Крымская орда хана Девлет-Гирея. Возглавить поход султан поручил кафинскому паше, беклербеку Касиму.

Астраханский поход начался в начале июля 1569 года. От Кафы до Переволоки 100 турецких галер с погруженными на них пушками шли 5 недель. 15 августа они достигли места, где ближе всего сходятся реки Дон и Волга.^[137] На Переволоке к турецкой армии присоединилось 50-тысячное татарско-ногайское войско. Однако осуществить задуманный в Стамбуле проект постройки канала Дон – Волга не удалось. Попытка перетащить «каторги» на Волгу волоком также провалилась.^[138]

Беклербеку Касиму пришлось вернуть корабли и тяжелую артиллерию в Азов и идти на Волгу походным порядком.

Астрахань к тому времени была перенесена на новое, более защищенное место. Поиск его начали вскоре после покорения Нижнего Поволжья. В результате город решили строить на Саинчем бугристом острове (Шабан-бугре), русскими переименованном в Заячий остров (Заячий бугор). Это место находилось в 12–13 км от старого города, ниже

по течению Волги, при впадении в нее реки Кутум.

К новой Астрахани турецко-татарская армия вышла 16 сентября.^[139] Несмотря на помощь местных татар и ногайцев, паша Касим не решился штурмовать расположенную на Заячьем острове хорошо укрепленную крепость, гарнизон которой в начале 1569 года пополнил отряд окольного Д. Ф. Карпова. Огонь русских пушек и удобное расположение новой русской твердыни не позволили туркам начать осадные работы и блокировать город. [1

40]

Убедившись в бесплодности своих действий, турецкий паша отвел войска от неприступной крепости и встал лагерем на старом городище, готовясь по повелению султана зимовать под Астраханью. Татарское войско должно было вернуться в Крым, однако известие об этом всколыхнуло всю турецкую армию, измученную тяжелым походом и ожиданием новых испытаний. Тем временем пришедшая с севера русская «плавная рать» кн. П. С. Серебряного и З. И. Сабурова смогла перерезать пути снабжения турецкой армии из астраханских и ногайских кочевий, обрекая ее на полуголодное существование. 26 сентября 1569 года Касим приказал начать отступление на Дон самым коротким путем – по Кабардинской дороге.^[141] Вскоре оно превратилось в настоящее паническое бегство. Во время труднейшего пути, проходившего через безводные степи, турецкая армия потеряла умершими едва ли не три четверти своих воинов. Остатки войска, добравшиеся 24 октября 1569 года до Азова, попытались эвакуировать морем, но часть кораблей погибла во время бушевавших тогда осенних штормов.

[142]

Из 2000 участвовавших в походе янычар в Турцию вернулось всего 700 пехотинцев.

Неудача Астраханского похода беклербека Касим-паши не отбила у Девлет-Гирея желаний воевать с Россией. Уже в мае следующего года его орда выступила в поход. Движение крымских войск не осталось незамеченным. Путивльский наместник П. И. Татев прислал в Москву с сообщением о готовящемся нападении обнаружившего врага «донецкого сторожа» Абрама Алексеева, но тот лишь ненамного опередил врага, вторгшегося в Рязанскую землю.^[143] Весь приграничный край подвергся страшному опустошению. Часть татарских «загонов» проникла и в Каширский уезд. Русским воеводам – князьям Д. И. Хворостинину и Ф. И. Львову – 21 мая 1570 года за Зарайском удалось разгромить один из таких «загонов» и освободить многих пленников, но опасность повторных татарских нападений сохранялась до конца лета – начала осени 1570 года.

Обстановка на границе оставалась очень напряженной. Русские разведчики передавали, что в степи «стоят люди многие крымские», а от табунов их «прыск и ржание великое», что «месечных сторожей на Обыкшенской да на Балыклейском громили татар человек с пятьсот и голову их Капусту Жидовинова взяли да товарищев их дву человек убили», писали и о других приготовлениях «крымских людей» к походу на Русь.^[144] Сообщения становились все тревожнее. Некоторые разведчики приносили вести, что видели огромное 30-тысячное татарское войско, идущее к границе 30 дорогами. Дважды в это лето царь выдвигал на «Берег» новые подкрепления, сам выезжал туда «искати прямого дела» с врагом. Но крымского нападения не произошло. А царь выступил с войсками из Александровской слободы в Серпухов (16 сентября 1570). На «Берегу» он пробыл 3 дня, потом, узнав, что «станишники», сообщившие о приближении татарского войска, «солгали», вернулся обратно. Все же в Коломне, Кашире, Серпухове и Тарусе были оставлены земские и опричные воеводы с полками. Тревога, поднятая паническими сообщениями дозорных улеглась только после приезда из Путивля в Серпухов станичного головы Ширяя Сумороцкого. Он сообщил царю, что проехал всю степь до устья Айдара, но не обнаружил ни одной татарской сакмы.^[145]

Выявившиеся недостатки в организации станичной и сторожевой службы встревожили русское командование и вынудили его принять должные меры. Началась реорганизация дозорной службы «на Поле». Зимой 1570/1571 годов ею занялся известный военачальник князь М. И. Воротынский.

Девлет-Гирей отложил большой поход на Русь до весны следующего года. Начавшееся в 1571 году восстание в Казанской земле и возобновление ногайских нападений на русские границы значительно ухудшили положение Московского государства.

Одно из самых страшных татарских нашествий на Россию произошло в 1571 году. С весны на Оке, в районе Коломны, стояли немногочисленные земские полки во главе с воеводами И. Д. Бельским и М. Я. Морозовым (в Большом полку), И. Ф. Мстиславским (в полку Правой руки), И. П. Шуйским (в полкулевой руки), М. И. Воротынским (в Передовом полку) и И. А. Шуйским (в Сторожевом полку). Под их командованием находилось не более 6 тыс. воинов.^[146] Получив достоверные известия о готовящемся татарском нападении на Русь, 16 мая 1571 года из Александровской слободы к «Берегу» выступило опричное войско во главе с Иваном Грозным и его доверенными воеводами Д. А. Бутурлиным, В. Ф. Ошаниным, Ф. М. Трубецким и Ф. И. Хворостининым.^[147]

Царь со своими полками собирался стать в Серпухове.

Девлет-Гирей, знавший от пленных и перебежчиков о бедствиях, обрушившихся на Московское государство – море и «меженине» (засухе), о продолжающейся войне в

Ливонии, о сосредоточении немногочисленных русских полков лишь на «перелазах» (переправах) через Оку в районе Коломны и Серпухова, выступил в свой самый успешный поход на Русь. Сведения, убедившие хана действовать смелее, доставили галицкий дворянин Б. Ю. Сумароков (перебежал к татарам на реке Молочные Воды), а также дети боярские К. Тишенков и О. Семенов, калужские служилые люди Ж. В. и И. В. Юдинковы, каширянин С. Лихарев по прозвищу Сотник, некто Русин из Серпухова и 10 их слуг. Эти изменники переметнулись к татарам уже на русской территории, в Болховском уезде.

Первоначально Девлет-Гирей собирался ограничиться набегом на козельские земли и повел войско к верховьям Оки. Форсировав эту реку через Быстрый брод, татарская армия стала продвигаться к Болхову и Козельску. Но на «Злыньском поле» хан принял предложение одного из перебежчиков, белевского сына боярского Кудеяра Тишенкова, идти к Москве. Изменник обещал хану провести крымское войско через неохранные «перелазы» в верховьях р. Жиздры, там, где еще не ходило крымское войско. Этот обходной маневр стал для русских воевод полной неожиданностью. В середине мая 1571 года 40-тысячная татарская армия в районе Перемышля перешла Жиздру и начала обходить расположение опричного войска с тыла, выдвигаясь в направлении Москвы.^[148]

1

Внезапной атакой противник разгромил отряд царского кошевого воеводы Я. Ф. Волынского. Только тогда Иван IV узнал о прорыве вражеского войска за окский рубеж («Берег») и приближении татарской конницы к его стану. Русские войска были растянуты вдоль Оки и могли быть уничтожены по частям. Опасаясь за свою жизнь, царь, с которым в Серпухове было 6 тыс. опричников, ушел мимо Москвы в Ростов.

Оставшиеся на Оке русские воеводы, получив сообщение о начавшемся наступлении врага, также снялись со своих позиций и быстрым маршем двинулись из Коломны к столице. Им предстояло опередить направлявшуюся туда же крымскую армию. 23 мая (в канун Вознесеньева дня) русские полки подошли к Москве – всего на сутки раньше войск Девлет-Гирея. Задержал неприятеля, хотя и ненадолго, оставленный в качестве заслона небольшой отряд под командованием опричного воеводы Я. Ф.

Попадейкина-Волынского. Уничтожив его, татары заняли пригородные села. Сам хан остановился в Коломенском, а его сыновья – в Воробьеве.^[149] Отступившие с Берега полки И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского встали в Замоскворечье и за Москвой-рекой и приняли бой с подошедшим татарским войском. Кроме земской армии в обороне Москвы принял участие опричный полк В. И. Темкина-Ростовского.^[150]

После первых стычек, закончившихся в пользу русских (в одном из боев был тяжело ранен воевода Иван Дмитриевич Бельский), Девлет-Гирей, остановившийся, как было

сказано выше, в селе Коломенском, послал 20 тыс. татар к стенам Москвы, приказав поджечь городские предместья. Благодаря поднявшемуся сильному ветру пламя из пригородных слобод перекинулось на город, за три часа выгоревший почти целиком. От взрыва складированных в башнях Кремля и Китай-города запасов пороха сильно пострадали крепостные укрепления. По свидетельству немцев-опричников И. Таубе и Э. Крузе, «произошел такой пожар, и Богом были посланы такая гроза и ветер и молнии без дождя, что все люди думали, земля и небо должны разверзнуться. Татарский царь сам был так сильно поражен, что отступил немного со всем своим лагерем и должен был снова устраивать лагерь. И в три дня Москва так выгорела, что не осталось ничего деревянного, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня. Огонь охватил также пороховой склад, стены которого были больше 50 сажен, и сожрал все, что еще оставалось; все двери в замке и городе, наполненном мертвыми телами, выгорели».^[151]

Во время пожара погибло множество москвичей. В числе задохнувшихся от дыма был большой воевода земской рати князь И. Д. Бельский – получивший раны в предыдущих боях, он был на своем дворе, попытался найти укрытие от огня в каменном погребе, где и погиб.^[152] Однако русские войска, находившиеся «на лугах», прежде всего Передовой полк М. И. Воротынского, сохранили боеспособность. Поэтому 25 мая 1571 года Девлет-Гирей повернул свои войска в направлении Каширы и Рязани, распустив часть отрядов в «войну», для захвата «полон». Вскоре отягощенные добычей и огромным числом пленных крымцы двинулись обратно. Возвращаясь в свои улусы, татары прошли через Рязанскую землю. Следовавший за отступающим неприятелем полк Михаила Воротынского в силу малочисленности не смог помешать противнику опустошить и разорить весь край, о чем вспоминал позднее в своих записках Г. Штаден: «Ваше римско-кесарское величество усмотрите также, какие огромные убытки причинил крымский царь великому князю и его стране. И если великий князь правил бы еще сотню лет и даже более того то и тогда он не мог бы преодолеть того раззорения, какое крымский царь причинил Москве и Рязанской земле». И ниже: «Рязанскую землю крымский царь опустошил; великий князь держит [там] по деревянным острогам (Heusern) или замкам лишь некоторое количество стрельцов. Все князья и бояре вместе с их крестьянами уведены из Рязанской земли в Крым в полон».^[153]

Помешать отступлению татар русские воеводы не смогли, хотя и двигались к рубежу вслед за ними. Именно тогда был уничтожен врагами город Кашира.^[154]

15 июня 1571 года к вернувшемуся из Ростова в подмосковное село Братошино царю Ивану Грозному прибыли крымские послы, угрожавшие новым вторжением, требуя вернуть Девлет-Гирею его «юрты» – Казань и Астрахань. Царь серьезно отнесся к этим угрозам и согласился передать крымскому хану Астрахань, хотя сознавал опасность

воссоздания мусульманских ханств на Волге.^[155] Однако Девлет-Гирей отказался пойти на компромисс, поэтому возобновление войны между Москвой и Крымом стало неизбежным.

В новый поход на Русь крымский хан повел 40 тыс. армию (по другим, явно преувеличенным сведениям, Девлет-Гирей смог собрать 120 тыс. человек).^[156] Она состояла из татар, ногайцев и 7 тыс. турецких янычар. Хан не сомневался в успехе нового похода, расписав и разделив русские города и уезды между находившимися при нем мурзами.

[157]

В Москве также готовились к новым сражениям. В апреле в Коломне был проведен смотр собранных войск. Во главе двинутых к южному рубежу ратей царь поставил М. И. Воротынского, прославившегося участием во многих походах и битвах того времени. Театр военных действий им был изучен досконально – в 1571 году Михаил Воротынский руководил составлением первого русского воинского устава – «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе», реорганизовавшего службу охраны южнорусских рубежей.

С весны 1572 года стеречь рубежи «от Поля по украинам» были поставлены новые воеводы, начавшие готовить свои крепости к возможному приходу татарских полчищ. Разрядные книги упоминают следующих воевод: кн. Ю. К. Курлятева и В. И. Коробьина в Донкове, кн. А. Д. Палецкого и М. Назарьева на Дедилове, кн. М. Ю. Лыкова в Новосили^[158]

(на реке Зуше), Д. А. Замыцкого в Мценске, В. Г. Колычева и Д. Ф. Ивашкина на Орле, Л. З. Новосильцева в Ряжске, кн. И. И. Лыкова в Болхове, Г. М. Кульнева в Карачеве, кн. Г. И. Рыжкова Долгорукого в Шацке, кн. Б. В. Серебряного в Брянске, М. В. Тюфякина в Стародубе, Ф. Ф. Нагого в Чернигове, кн. И. Г. Щербатого в Новгороде-Северском, кн. Г. И. Коркодинова в Путивле, кн. Д. В. Гундорова в Рильске, Я. И. Судимонтова в Рославле.

[159]

Армия Воротынского насчитывала, по спискам, 20 034 человек, а с боевыми холопами – до 50 тыс. человек.^[160] Вместе с казаками и другими формированиями, привлеченными к обороне «Берега», ее состав можно определить в 73 тыс. человек.

[161]

Полки размещались в городах по Оке, вдоль которой были восстановлены старые укрепления.

Предваряя перечень полковых воевод армии Воротынского, следует отметить важное обстоятельство: впервые под единым командованием военачальника из «земщины» находились и земские, и опричные войска. Большой полк под командованием М. И. Воротынского и И. В. Шереметева встал в Серпухове;^[162] полк Правой руки Н. Р. Одоевского и Ф. В. Шереметева – в Тарусе; полклевой руки А. В. Репнина и П. И. Хворостинина – на Лопасне; Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина – в Калуге; Сторожевой полк И. П. Шуйского и В. И. Умного-Колычева – на Кашире.
[163]

Воеводы «украинных» городов (Дедилова, Донкова, Орла, Новосили, Ряжска, Епифани, Шацка, Пловы и Соловы) получили приказ при появлении врага с частью своих ратей немедленно отойти назад, к Оке, и соединиться здесь с главными силами, укрепившись их перед решающей схваткой с татарами.
[164]

В полном составе остались лишь гарнизоны Михайлова, Зарайска и Одоева, находившиеся на самом опасном направлении.

Несмотря на принятые меры, у царя Ивана Васильевича не было полной уверенности в возможности русской армии остановить вторжение татар на Окском рубеже. Поэтому после апрельского смотра сосредоточенных в Коломне войск он уехал в Новгород, куда еще зимой 1571/1572 годов отправил 450 возов с государственной казной.^[165] В Новгороде Иван Грозный написал духовную грамоту – завещание, отметив факт своего «скитания по странам» и изгнанничества «от бояр», которых он обвинял не только в самовольстве, но и в тайном пособничестве татарам.
[166]

К счастью, страхи царя оказались напрасными – нападение врага удалось отбить, несмотря на то, что и в этом году русские сторожи не смогли своевременно сообщить о приближении к рубежам крымских войск, узнать их численность и направление движения.

Девлет-Гирей, полагаясь на многочисленность своей армии, шел прямо к главным «перелазам» через Оку. В ночь на 27 июля 1572 года ногайский отряд мурзы Теребердея, шедший в авангарде крымских войск, стремительным ударом сбил русскую заставу, прикрывавшую «Сенькин перевоз». Находящиеся на «Берегу» 200 детей боярских отступили, а татары стали разрушать укрепления на московской стороне реки. Другой неприятельский отряд, которым командовал Дивей-мурза, овладел окским «перелазом» рядом с устьем р. Протвы, «против Дракина». Несмотря на захват второго плацдарма, главные силы татарской армии начали переправляться через «Сенькин

ВОЙСКО ГРОЗНОГО ЦАРЯ.

Автор: pavel

26.08.2019 22:47 - Обновлено 03.10.2019 16:14

брод». Русские воеводы, находившиеся в Кашире (Сторожевой полк И. П. Шуйского и В. И. Умного-Колычева) и Тарусе (полк Правой руки Н. Р. Одоевского и Ф. В. Шереметева) не успели прикрыть эти переправы и помешать сосредоточению врага для решающего броска к Москве.

Продолжение следует